

Константинова Алина

«Сердце в студию!»

Алина Константинова

Сердце в студию!

<https://litres.ru/74447013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — ведущая самого громкого шоу страны, где мужчины и женщины ищут любовь в прямом эфире. Она знает, как выглядит настоящая химия на экране, и давно не верит, что она бывает за кадром.

Её собственная жизнь — тайная и неудобная: роман с продюсером шоу, мужчиной, у которого есть жена, двое детей и безупречная квартира, где пахнет домом.

Но уйти от мужчины, который не хочет её отпускать, — это только половина пути. Нужно ещё научиться жить без роли, без монтажа, без чужого сценария. А для этого придётся выйти в новый эфир — и, возможно, впервые позволить себе быть не ведущей, а той, кого выбирают по-настоящему. Даже если этот выбор прозвучит на глазах у всей страны.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11

Алина Константинова

Сердце в студию!

Глава 1

Глава 1

«Не бывает так хорошо», — подумала она.

Глаза работали, как две камеры на разных режимах: одна ловила каждое его движение, другая — статику. Из этой разницы рождался смысл. Он поцеловал её снова — и время сменило формат: из двадцати четырёх кадров в секунду в стоп-кадр. Остались тепло, тень ресниц и то, как мир перестаёт быть шумным.

Монтировать не хотелось. Ни вырезать лишнее, ни искать ритм. Пусть кадр останется как есть: неровный, неидеальный.

Это не походило на сцену из шоу. Там всё прописано: паузы, взгляды, даже случайные прикосновения. Здесь сценария не было. Только два человека, которые нашли друг в друге то, чего не было в кадре. Она чувствовала, как её границы становятся мягче — не потому, что он их ломал, а потому, что она сама разрешила им быть не такими жёсткими.

Когда они остановились и посмотрели друг на друга, в

этом взгляде было облегчение — как у человека, который год держал спину прямо, а теперь наконец позволил себе сесть.

Напряжение, копившееся год, нашло выход. Прямо здесь, в кабинете продюсера, среди папок, сценариев и остывшего кофе. Айя знала, что это не вписывается ни в график, ни в правила. Но они хотели этого слишком долго.

Год. Триста шестьдесят пять дней эфиров, тысячи дублей, сотни взглядов — и ни одного такого. Без камеры. Без суфлёра. Без монтажа.

Он сидел на краю стола — того самого, где они утверждали сценарии, спорили о рейтингах, ставили галочки напротив пунктов плана. За этим столом он был продюсером, она — ведущей. Сейчас стол оставался просто столом: ни пьедестала, ни барьера, ни границы между ролями.

Она стояла напротив. Между ними оставалось полшага. Этот зазор тянулся дольше всего пути, который они прошли за год.

— Айя, — сказал он. Не с интонацией срочного брифинга, не с нажимом — просто её имя. Так, будто он впервые произнёс его не как часть рабочего процесса, а как что-то отдельное, своё.

Она не ответила. Слова сейчас были лишними — они тянули обратно, туда, где нужно держать дистанцию, подбирать формулировки, ставить акценты. Словами она управляла эфиром. Словами выстраивала границы. Словами говорила «нет», когда внутри всё кричало «да».

«Я так давно влюблена в него», — подумала Айя, глядя в его глаза.

Зелёные. Она знала, как это называется, — вердепешевый. Зелёный с желтизной незрелого персика. Слово редкое, почти забытое, и потому точное, но и оно не дотягивало. В нём не было той тяжести, с которой его зелёность уходила вглубь, а не оставалась на поверхности. Такие, в которые смотришь и не понимаешь, что видишь. Отражение? Дно? Себя?

Этот взгляд она знала. Год знала. Смотрела в него на планёрках, в аппаратной, в коридорах — и каждый раз отводила свой. Отводила — как отводят камеру, когда в кадре начинается то, что не для эфира.

Влад был красив. Не той красотой, которую показывают в кадре. Той, которую прячут. Высокий, с манерой стоять расслабленно — будто он всегда знает, что происходит за спиной. Рубашка дорогая, без логотипов. Часы — из тех, что не бросаются в глаза, но стоят как машина. Он ничего не выставлял напоказ. И от этого становился ещё дальше — не за кадром, а за стеклом.

Она подняла глаза. И в этот момент — впервые за год — не отвела. Он смотрел на неё. И в этом взгляде не было ничего рабочего. Ни «нам нужно обсудить рейтинги». Ни «ты опоздала на брифинг». Только она. Её лицо. Глаза — голубые, без глубины, как вода в бассейне под лампами. Прозрачные. Живые.

«Самая красивая», — подумал он. Не «самая умная». Не «самая талантливая». Хотя всё это было правдой. Просто — самая красивая. Не для камеры. Не для зрителей. Не для рейтингов. Для него.

Он смотрел — и думал: «Я отказывал ей».

Много раз. Когда она задерживалась в кабинете после планёрки. Когда приносила правки в сценарий, которые можно было отправить по почте. Когда смотрела на него чуть дольше, чем позволял протокол. Когда говорила «останься» — не словами, паузой.

Он отказывал. Молча. Взглядом, который говорил: «Не сейчас. Не здесь. Не мы».

Потому что жена. Потому что дети. Потому что квартира, где пахнет домом. Потому что, если переступить — обратно уже не будет. Он держался. Как за перила. Как за суфлёра. Как за то, что не даёт упасть. А сегодня — не смог.

Не потому, что она сделала что-то особенное. Не потому, что был повод. Просто в какой-то момент он перестал держаться за перила. Отпустил.

«Я отказывал ей», — подумал он снова. И в этой мысли не было гордости. Только усталость. И что-то ещё — облегчение. Как будто он годами стоял на посту, а теперь наконец сменился с дежурства.

Он взял её руку. Сжал. Не для того, чтобы удержать. Для того, чтобы сказать: «Я здесь. Я больше не отказываю».

Она смотрела на его пальцы на своей ладони. Тёплые. Чуть шершавые. И не отнимала.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Не шёпотом, не с надрывом — как говорят о том, что зна-ли давно и просто забыли сказать вслух.

Она подняла глаза. Голубые, прозрачные, живые — без страха, без вопроса.

— И я тебя люблю, — сказала она. — Больше, чем думала, что умею.

Он вдохнул, чтобы сказать, — и не нашёл, что. Что год молчал не потому, что не любил. Что каждое утро за рулём он думал о ней — и каждый вечер заставлял себя не думать.

— Тебе пора домой, — сказала Айя. — К жене. Уже поздно.

Он не спорил. Не сказал «ещё минуту». Не потянулся к ней снова. Кивнул — коротко. Она сказала то, что он знал сам.

Встал. Поправил рубашку. Пуговицы — не все на месте. Одну он так и не нашёл. Айя смотрела, как он одевается. Без «прости». Без «я позвоню». Без обещаний.

— Ты готова к новому шоу? — спросил он.

Голос ровный, рабочий — как у человека, который не говорил ничего другого.

— Почти, — сказала она.

Он кивнул. Посмотрел на неё — долго, без улыбки.

— Как лучше? — спросил он. — «Сердце в студию!» или

«Сердце вдребезги»?

Айя моргнула — один раз, нарочно медленно, как будто ставила точку в предыдущей сцене. И только потом заговорила:

— «Сердце вдребезги» — не уникально. Это название активно используется в разных форматах: книги, фильмы, сериалы.

— Значит, «Сердце в студию!».

— Да. Название сразу говорит: это про шоу, про эфир, про публичность — и про то, что за этим фасадом прячется что-то настоящее.

Он не сказал «я люблю тебя» во второй раз. Не сказал «я останусь». Не сказал «всё будет хорошо».

— Иди, — сказала она.

Влад кивнул. Отпустил её руку. Пальцы разошлись не сразу: сначала большой, потом указательный, потом остальные, — и каждый оставлял на её ладони чуть тёплое пятно, которое гасло.

Он вышел. Дверь закрылась без хлопка: он придержал её — ровно настолько, чтобы не спугнуть то, что осталось в кабинете после него. Замок щёлкнул не сразу. Секунда, другая — и только потом.

Она — ведущая. Её работа: быть эмоциональной по расписанию. Улыбаться в час улыбки. Грустить, когда требует сценарий. Задавать вопросы, ответ на которые уже лежит в

суфлёрской будке. Она давно не различает, где кончается роль и начинается та, которая её играет.

«Я уже нарушила правила. Я уже сказала «я люблю тебя». Я уже позволила себе быть уязвимой... Смогу ли завтра войти в аппаратную и не смотреть на него? Смогу ли смотреть?»»

Глава 2

Глава 2

Она вела машину, не включая музыку. Только шум мотора, только шорох шин по асфальту, только собственное дыхание — слишком ровное для человека, который только что сказал «я люблю тебя» женатому мужчине.

«Как я так вляпалась?»

Она уже задавала себе этот вопрос — на планёрках, когда он смотрел на неё чуть дольше положенного; в аппаратной, когда их руки соприкасались над пультом; в коридорах, когда он произносил «Айя» — и это имя звучало иначе, чем все остальные слова.

«Мне двадцать восемь. Я не глупая. У меня своя программа. Меня знает вся страна. Я не девочка из массовки, которая влюбилась в режиссёра. Я та, кто решает, кому дать слово в эфире. И вот я сама отдала своё — бесплатно».

Она остановилась на красный. Светофор — стоп-кадр, который забыли вырезать из сцены. Кадр, где она уже всё поняла, но ещё не успела ничего сделать.

«Он не лгал».

Это было самое странное и самое неудобное. Если бы он врал, было бы легче. Если бы говорил «я разведусь», «подожди немного» — она могла бы его ненавидеть. Могла бы

сказать: «Ты меня использовал». Могла бы стать жертвой. И страдать красиво.

А он дистанцировался. Молчал. Отводил взгляд. Не давал надежды, не обещал, не намекал.

«Он тоже вляпался. Просто у него больше опыта в том, чтобы этого не показывать».

Айя не помнила, как проехала оставшиеся кварталы, как свернула во двор, как припарковалась. Тело вело машину, голова оставалась там, в кабинете продюсера. Только когда щёлкнул рычаг ручника, она вернулась. Заглушила двигатель. Сидела, не выходя. Смотрела на окна своей квартиры — тёмные, как экран без сигнала.

«Я не буду ему звонить. Не буду писать. Завтра на планёрке буду вести себя как обычно. Улыбка. Причёска. Красное платье. Всё на месте».

«Я ведь могу его увести». Мысль пришла не впервые, но раньше Айя отгоняла её. Сейчас не стала. Позволила ей лежать рядом, тяжёлой и неудобной, как забытый реквизит в углу студии.

Не потому, что она умела подбирать слова. Не потому, что вела шоу, где люди находят любовь. А потому, что он — тот самый.

Она поняла это не сегодня. Сегодня просто перестала врать себе.

Айя не умела долго лежать в чувствах. Их нужно было раскладывать — иначе душили. Первая полка — деньги.

«У него есть деньги. Он сможет содержать детей. Платить алименты. Обеспечить жену. Он не оставит их. Он не такой. И я не хочу, чтобы он оставил их. Я хочу, чтобы он ушёл ко мне — но не ценой их страданий. Чтобы он был со мной — и при этом остался отцом. Чтобы дети знали: папа их не бросил. Папа просто больше не живёт с мамой. Такое бывает. Так делают взрослые люди, когда рядом появляется кто-то, кого они не могут отпустить».

Она остановилась. Потому что это было не про них. Это было про неё. И она не знала, что с этим делать.

Она посидела ещё минуту, прислушиваясь к затихающему мотору, к тому, как выравнивается пульс. Потом открыла дверь, вышла на холодный воздух двора и медленно пошла к подъезду — как будто каждый шаг нужно было сверять с внутренним таймером. Как будто она не просто возвращалась домой, а монтировала новую сцену. Ту, где придётся улыбаться и делать вид, что всё в порядке.